

Цензура/Новая этика как общественная цензура — Urbanculture

В российском сегменте интернета и российской прессе так называемая новая этика появилась в 10-е годы XX века. Это направление этики было привнесено представителями феминистских движений. Новая этика включает в себя движения #MeToo, Я не боюсь сказать, BLM и аналогичными. Согласно утверждению Международной лаборатории исследований социальной интеграции Высшей школы экономики ^[1] предпосылками для появления российского понятия новой этики стали глобальные тренды на переосмысление социальных норм, права на насилие, права на злоупотребление властью.

Важно отметить, что российское понятие «новая этика» значимо отличается от англоязычного аналога.

Появление и развитие такого понятия связано с развитием феминистской повестки, появлением понятия «новая чувствительность» (это когда можно задним числом сказать, что тебя совратили, обидели, изнасиловали). Близким понятием в США является харасмент.

Один из важных компонентов понятия — инклюзивность. Термин обозначает принцип включения в общественную жизнь всех людей и защиту их от дискриминации. Право на общественную жизнь имеют все люди независимо от пола при рождении, сознательно избранного гендера (социального пола), внешности и происхождения. Требование инклюзивности может выражаться и в виде квот. К примеру, роль в кино может быть отдана человеку негроидной или монголоидной расы, несмотря на возникающее противоречие в сюжете. Также инклюзивность предполагает вовлечение в общественную жизнь людей с разной сексуальной ориентацией. Если естественным образом этого не происходит, то со стороны сторонников инклюзивности возможно давление на дискуссионную площадку, режиссёра, продюсера.

Проблемы с изданием романа «Патни»

В новой этике принцип «бей своих, чтобы чужие боялись» работает часто сильнее, чем хотелось бы представителям творческих профессий. Например, автор книги «Патни» Софка Зиновьефф столкнулась с корпоративной и общественной цензурой. Так как её книга посвящена отношениям 13-летней девочки и мужчины, который значительно старше неё^[2].

«Издатели романа брались за него с опаской, и больше всего редакторов пугала возможная негативная реакция со стороны их молодых коллег, а также яростных сторонников движений #MeToo и #BlackLivesMatter в социальных сетях.»

— рассказывает Зиновьефф

Сюжет типичный набоковский. Только в романе право рассказать историю дали самой Лолите. При том тема весьма феминистская — главная героиня вначале считает себя влюблённой в мужчину, а затем приходит к выводу, что это настоящее совращение. Тем не менее, издатели не хотели видеть книгу выпущенной от имени своих компаний, просто боялись травли.

Этот пример можно рассматривать как корпоративную и общественную цензуру. Да, произведение уже есть, автор готова его издать. Тем не менее, редакторы и издатели опасаются за собственную репутацию. Есть ли цензор? В этой истории цензором выступает издатель или редактор, опасаясь цензора более могущественного — любого активного участника феминистского дискурса. Почему? Обычно общественные кампании против таких издательств приводят к уничтожению репутации и серьёзным экономическим проблемам.

В данной истории нет государства, нет религиозных деятелей, которые готовы запретить всё, что не укладывается в их привычное представление о литературе. Тем не менее, есть все признаки цензуры: цензор, определённая концепция нравственности, группа лиц, интересы которой выражает этот цензор. И, самое главное, есть ограничение распространения информации.

Объективация женщин в видеоиграх

«За последний десяток лет зачинщиками самых безумных срачей в глобальном интернете выступают борцы за социальную справедливость. «Сверхчувствительные фанатики» будто живут ради того, чтобы оскорбляться и принуждать источник раздражения либо публично раскаиваться, либо понести ущерб. Среди множества

замечательных людей найдутся несколько – без всякого преувеличения – знаменитостей, приверженность которых борьбе против всего плохого и за все хорошее сложно недооценить. »

— Дмитрий Левин, автор статьи о новой цензуре [1]

Один из примеров нового вида общественной цензуры — критика ради самой критики. Канадская блогерша армянского происхождения Анита Саркисян, по совместительству феминистка, занимается преимущественно тем, что публикует нападки на вновь издаваемые игры и игровое сообщество. Основная задача такой деятельности — обвинение разработчиков в расизме, сексизме, объективации женщин. Если разработчик помещает в игру супер-героя и тян, то тьян выглядит явно женственно. С точки зрения феминисток это может быть плохо, женщине отведена пассивная роль. В ответ начинается критика с серьёзными обвинениями. Правда, сама Саркисян подверглась травле со стороны игрового сообщества: пипл покупает игры и развлекается, им всё нравится. Затем приходит человек, который в это не играет, и начинает учить их жизни. В нынешней России с тотальной цензурой СМИ такая ситуация может выглядеть просто нелепо, тем не менее, в либеральной Канаде или США обвинение в сексизме — весьма серьёзная вещь.

Примечания

1. ↑ <https://www.hse.ru/ilsir/news/443019538.html>
2. ↑ <https://www.bbc.com/russian/features-53643565>